

МИНОБРНАУКИ РОССИИ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования

**«САРАТОВСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ Н.Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО»**

Кафедра теологии и религиоведения

Сюжеты Нового Завета в религиозной антропологии Рене Жирара
АВТОРЕФЕРАТ ВЫПУСКНОЙ КВАЛИФИКАЦИОННОЙ РАБОТЫ
БАКАЛАВРА

студентки 5 курса 551 группы
направления 48.03.01 «Теология»
профиль «Православная теология»
философского факультета
Ромашко Натальи Владимировны

Научный руководитель
доктор философских наук,
доцент

подпись, дата

М.О. Орлов

Заведующий кафедрой
теологии и религиоведения
доктор философских наук,
доцент

подпись, дата

М.О. Орлов

Саратов 2019

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Ничто не противоречит достоинству и свободе более, чем насилие. Порождаемое ложью и ненавистью, насилие, в свою очередь, порождает конфликты, войны, хаос в мировом масштабе. Оно оставляет позади себя пепелища, разруху, пустоту. В современном мире мы каждый день сталкиваемся с проявлением насилия в том или ином виде, оно так или иначе затрагивает человека и вовлекает его в свои механизмы.

Одно из ярких исследований механизмов человеческого насилия предпринял французский антрополог, философ, литературовед, культуролог Рене Жирар (1923 – 2015), к сожалению, не особо известный для российского читателя. Его работы не имеют аналогов в современной литературе. Жирар рассмотрел насилие – от его первопричины до механизма его эффективного уничтожения – так, как, в принципе, не рассматривал до него никто. На наш взгляд, мыслитель вполне претендует на то, чтобы называться уникальным автором, «новатором», несмотря на то, что его теории встречали серьезные возражения и обвинялись в неоправданном стремлении свести всю человеческую культуру к единому принципу. Труды Жирара уже по меньшей мере около 30 лет находятся в центре оживленных дискуссий, а его идеи активно применяются в самых различных областях знания.

Религиозно-культурное наследие Жирара построено на фундаментальной идее – теории миметического желания (подражания), которая является для него некой *Idée fixe*. Развивая свою концепцию и рассматривая феномены человеческого насилия, конфликты и напряжения, возникающие в обществе, Жирар приходит к новому пониманию феномена жертвоприношения; он вводит понятие «козла отпущения», которое выходит за рамки иудейской традиции и обретает масштабный социокультурный смысл.

Особое место в исследовании Жирара занимает обнажение механизмов зла, насилия и лжи на страницах Библии. «Кульминацией» антропологических идей философа, становится драматическая судьба Иисуса Христа. Жирар видит в Нем невинную жертву преступного механизма, Который Своей смертью

разоблачает, преодолевает и устанавливает окончательную победу над ним. Французский антрополог трактует Библию, как главнейшее свидетельство об Истине, «скрытой от сотворения мира», что делает его своего рода современным «апологетом христианской религии» (учитывая, что Жирар не является при этом «профессиональным» богословом или экзегетом).

Актуальность исследования

Анализ феномена жертвоприношения, «козла отпущения», драматический анализ Библии – все это является антропологической проблематикой и у Жирара выражается в довольно интересном свете. На наш взгляд, актуальность исследования обусловлена тем, что идеи Жирара, во-первых, дают неоднозначную трактовку происхождения всех общественных институтов, что играет значительную роль в социокультурном контексте. Во-вторых, открывают новые богословские и антропологические глубины, что позволяет теологии найти новые формы выражения истины о Боге, учитывая современные реалии жизни. В-третьих, Жирар осмысливает проблемы человека, проблемы взаимоотношений индивида и общества, и, на наш взгляд, исследование этих тем будет актуально до тех пор, пока существует сам человек и функционирует общество.

Следует отметить, что Жирар увидел в христианстве борьбу с насилием совершенно ненасильственным путем. Здесь можно провести параллель, например, с такой масштабной теорией и практикой ненасильственной борьбы, которую выражали Мартин Лютер Кинг, Махатма Ганди («сатьяграха», которая подразумевает отказ от насилия и готовность переносить боль и страдания). *«Любовь – писал М.Л. Кинг, – самая прочная власть в мире. Эта творческая сила, столь прекрасно явленная в жизни Христа, – самое мощное орудие, доступное человечеству для достижения мира и безопасности».* Из этого следует, что идеи Жирара актуальны и будут полезны в развитии социального аспекта христианства, тактики ненасильственного сопротивления, установлению дискурса с другими конфессиями. Все это является большим

вкладом в дело гуманизма и способствует сохранению и преумножению этических ценностей и нравственности.

Степень научной разработанности

Жирар по-прежнему остается одним из вызывающих наиболее живую полемику современных французских мыслителей, а многочисленные переводы его трудов и поистине гигантский объем литературы на данную тему на основных мировых языках свидетельствует о продолжающемся процессе усвоения его концепции.

Однако в России имя Рене Жирара не является широко растиражированным, он не считается классическим автором, и, признаем, что с его идеями ознакомлен узкий круг специалистов и исследователей. Основные труды мыслителя переведены на русский язык, его творчеству посвящены некоторые статьи, организуются круглые столы и конференции. По мнению исследователя А. Денисенко, который рассмотрел теории Жирара в своей статье, *«сегодня Жирар является одним из самых неисследованных западных авторов в отечественных гуманитарных кругах»*¹. Также А. Денисенко предполагает, что методология исследования текстов Жирара еще до конца не сформирована, а его теории в дальнейшем будут развиты.

Из российских исследователей, которые занимаются изучением теорий французского философа, можно выделить профессора Института философии РАН, директора Института Синергийной антропологии С.С. Хоружего и коллектив Библейско-богословского института им. Апостола Андрея, которые, помимо исследований, активно занимаются переводом и изданием книг Жирара на русский язык.

Цель исследования и задачи исследования

¹ Денисенко, А. В начале было убийство: бессмертный Рене Жирар и преодоление секулярного // Страницы: богословие, культура, образование. – 2016. – № 1 – С. 113-120.

Цель – обосновать идею Жирара о том, что в процессе преодоления лжи и насилия решающая роль принадлежит христианству и рассмотреть это на Евангельских сюжетах. Христианская перспектива победы над насилием, конфликтами и единственный сотериологический путь являются главной **темой** нашего исследования. В соответствии с данной целью ставятся следующие **задачи**:

- рассмотреть основные концепции Рене Жирара;
- рассмотреть основную суть драматической теологии и определить роль теорий Жирара в данном направлении;
- проанализировать роль Священного Писания в трудах французского мыслителя;
- определить значимость трактовки христианской религии в антропологии Жирара и обозначить роль антрополога в системе современного богословия;
- определить перспективы развития религиозной мысли Жирара.

Объектом нашего исследования являются труды французского антрополога, переведенные на русский язык, а также провозглашенные им концепции, которые позволяют по-новому рассмотреть некоторые вопросы религии, культуры, общества. **Предметом** исследования является анализ новозаветных сюжетов в работах Рене Жирара, который заново открывают поразительную актуальность христианства.

Новизна данного исследования

Зачастую в наш секулярный век обращение к христианским ценностям воспринимается как некий атавизм, пережиток прошлого. Тем не менее данное исследование доказывает: христианство отнюдь не умирающая религия, и его потенциал неисчерпаем. Любопытно, что доказательство это базируется не сколько в богословском аспекте, сколько в антропологическом. Поэтому, во-первых, на наш взгляд, данная работа является первым большим исследованием, которая обосновывает вышесказанное; также в работе систематизированы антропологически-богословские идеи Рене Жирара.

Во-вторых, уникально здесь то, что идеи Жирара, следовательно, и наша работа, довольно доступно объясняют современному человеку то, почему человеку необходимо подражать Христу и почему это единственный правильный путь. Такой подход несколько не принижает само богословие, а расширяет его, углубляет понимание Евангелия. Поэтому, следует отметить, что у работы есть миссионерский и апологетический потенциалы.

В-третьих, смеем предположить, что наше исследование может стать хорошим фундаментом для формирования методологической базы, а также способствовать популяризации идей Рене Жирара. Впоследствии это может привести к возникновению особого междисциплинарного дискурса, объединяющего специалистов из разных научных областей, которые применяют идеи Жирара для своих исследований.

В-четвертых, для подтверждения некоторых идей французского мыслителя мы цитировали православных авторов. На наш взгляд, то, о чем говорит католик Жирар, тождественно тому, что разработано в трудах православных деятелей. А это в своем роде уже новинка.

Положения, выносимые на защиту

1) Христианское учение способно интегрировать в себе познавательные достижения других мировоззренческих систем, что позволяет подойти к его изучению с антропологической точки зрения. Такой подход еще раз доказывает, что теология является равноценным партнером другим наукам в дискуссии о современных проблемах общества и цивилизации в целом.

2) Христианство – уникальная религия, которая разоблачает механизм «козла отпущения» путем отказа от всякой мести и провозглашением принципов любви и прощения. Зависть побеждается милостью, а закрыть брешь в разрушенной общности можно только лишь встречая ненависть любовью.²

² Кинг, М.Л. Паломничество к ненасилию [Электронный ресурс] // [Электронный ресурс]: [сайт]. – URL: https://www.gumer.info/bogoslov_Buks/protestant/King_PalomNenasil.php (дата обращения: 05.04.2019). – Загл. с экрана.

3) «Триумф Креста», как называет событие Распятия Жирар, это открытие правды о невиновности жертв. Необузданный бунт насилия против Христа сделал наглядным лишь лживость обвинения, бессознательную природу человечества, находящего в рабстве сатаны. Поэтому после Распятия жизнь человечества не мыслится никак иначе, только как возвышением человеческой души к Богу.

4) Главная человеческая задача – выйти из круга миметического насилия и сделать это можно только лишь посредством отказа от насилия и подражания Христу. Теории о насилии франко-американского автора служат почвой, на которой произрастают идеи обожения человека в антропологическом контексте.

5) Жирар в своих работах выделяет социальную значимость христианской религии. Следование заповедям, отказ от мести, «любовь к врагам своим» может привести к более лучшему устройству нашего общества, в котором гармония и порядок будут реальными, а не мифологичными. Жить во Христе – это значит не допустить апокалипсиса, описанного в Откровении, который, учитывая современные реалии, становится абсолютно возможным. *«Двух мировых войн, изобретения атомной бомбы, множества геноцидов и неизбежной теперь уже экологической катастрофы оказалось недостаточным для того, чтобы убедить человечество в том, что даже если апокалиптические тексты ничего не предсказывают, то хотя бы описывают надвигающееся на нас реальное бедствие»³.*

Структура исследования. Исследование состоит из введения, двух глав (10 параграфов), заключения и списка использованных источников.

³ Жирар, Р. Завершить Клаузевица. Беседы с Бенуа Шантром. – М., 2019. – С. 2.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во «Введении» обосновывается актуальность темы исследования, выявляется степень научной разработанности, новизна, определяются цель и задачи работы, излагаются положения, выносимые на защиту.

Первая глава «Драматическая теология Рене Жирара» посвящена анализу такого направления католической мысли, как драматическая теология, к которой относят идеи Рене Жирара, а также реконструированию этапов формирования взглядов автора, анализу его главных теорий.

В первом параграфе «Драматическая теология: основная идея, представители» анализируется направление в целом, даются ключевые понятия. Драма – один из существующих литературных жанров, ядром которого является действие, а если выразиться еще конкретнее – конфликт. Исследование данного вида литературы впервые мы встречаем у Аристотеля. Как становится ясно из вышесказанного, в данном направлении богословие рассматривается с помощью категорий драмы. Считается, что основы драматической теологии заложены Карлом Бартом, Адольфом Гарнаком, далее шведским лютеранским епископом Густавом Эммануэлем Хильдебранд Ауленом. Попытка осмыслить драму современного общества сквозь призму богословия привела к тому, что богословы стали рассматривать само Божественное Откровение как напряженное драматическое действие, которое разыгралось на «сцене великого мирового театра» – в нашем мире. Это была Великая Драма между человеком и Богом, в которой Бог был Режиссером, раздающим людям роли, которые им надлежало сыграть. Когда актеры сопротивляются и не хотят исполнять данную им роль, не хотят нести возложенную на них миссию, Режиссер Сам выходит на сцену и лично играет нужную роль, бок о бок с людьми. Подобное течение мысли было выделено и систематизировано крупными католическими богословами – Хансом Бальтазаром, Раймундом Швагером и Рене Жираром.

Центром богословской концепции Бальтазара (1905 – 1988) является труд *Theodramatik* (часть многотомной богословской работы). Теодраматика –

понятие широкое: в него входит вся полнота Божественного вмешательства в историю спасения, действие Бога в человеческой истории, описанном на страницах Библии, которая представляет собой либретто величайшей драмы на свете.

Богослов указывает на то, что для удачной театральной постановки необходимо гармоничное сотрудничество трех свободных субъектов: автора драмы, исполняющего свою роль актера и режиссера. Все они обладают свободой: автор может как угодно выстроить свое произведение, актер может по-собственному видению трактовать свою роль. Режиссер – посредник между ними – должен, учитывая личностные черты актера, выстроить спектакль так, чтобы это не противоречило замыслу автора. По Бальтазару, Автор – это Бог-Отец, Иисусу – богочеловеческий актер, а роль Режиссера он отводит Святому Духу, который единосущен Обоим и вместе с Ними участвует в Дrame. Историческая драма, разыгравшаяся между Богом и Его творением, приобретает черты трагедии. Наделив человека свободой, Он рискует быть отверженным человеком, что, собственно, и происходит. Однако Его любовь способна преодолеть этот разрыв, и Он посылает в мир Сына, который становится Актером Дrame. На служение Христа посылает Отец, Он отвечает за все земное существование Иисуса. Христос послушно принимает от Отца служение. Бальтазар подчеркивает, что между Личностью Иисуса и Его служением существует полное единство: Христос не только исполняет миссию (роль), Он Сам является миссией Отца.

Кульминацией Дrame, по мнению Бальтазара, является крест, «то место, на котором совершился суд над грехом мира». Богослов подчеркивает, что вся жизнь и проповедь Иисуса Христа обращены к кульминации спасительного события и здесь совершается окончательное откровение триединой любви Божией.

Раймунд Швагер (1935 – 2004) на основе собственного анализа Библии стремился создать целостный и системный образ искупления, который оказался бы способным на равных вести диалог с экзегезой и отстаивать собственные

позиции. Он выделяет в Библейской Дrame 5 актов. В первом акте Дrame центральным является учение Иисуса о Царствии Божьем и попытка собрать людей вместе вокруг вести о Боге – любящем и всепрощающем. Во втором акте Дrame это учение сталкивается с сопротивлением и непониманием. По мнению Швагера, Иисус здесь реагирует радикально; Он усиливает напряженность, четко и безоговорочно указывая, каковы последствия этого непринятия (так скажем, Иисус говорит об альтернативном варианте) – если не спасение, то суд и ад. Здесь нет, как может показаться, угрозы; это лишь вполне закономерный итог человеческого выбора – либо жизнь с Богом, либо гибель, потому что сами по себе люди никоим образом не достигнут спасения. В следующем акте предстает необычная сцена. Тот, Кто проповедует о близости суда, сам перед ним предстает и приговаривается к смерти. Кто проповедовал Бога, свободного от насилия и любящего врагов, отвечает на атаку греха любовью. Отказываясь от возмездия и отвечая любовью, Иисус подрывает и преодолевает издревле заложенный в людях механизм зла и насилия: «Будучи злословим, Он не злословил взаимно; страдая, не угрожал, но предавал то Судии Праведному» (1Петр 2:23). 4 акт – это Воскресение, которое, по мнению Швагера, является судебным решением Отца в пользу Обвиняемого, но не против Его врагов. Воскресение не только подтверждает богопосланничество Иисуса, но и приносит прощение тем, кто Его отверг. Завершает новозаветную драму Сошествие Святого Духа, дающее начало новой общине. «Программа, принятая в начале служения Христа, осуществляется, несмотря на сопротивление человека, ценой креста и силой пасхального преобразования»⁴. Главный Актер Дrame достигает своей Сверхзадачи.

Во втором параграфе **«Методология исследований Жирара»** рассматривается принцип работы мыслителя. Жирар работает с данными направлениями специфично: практически нигде он не контактирует с изучаемыми явлениями напрямую, а только с описаниями и толкованиями

⁴ Будзик, С. Драма искупления: драматические категории в богословии Р. Жирара, Х.У. фон Бальтазара, Р. Швагера. – М., 2017. – С. 316.

других исследователей. С мифами он работает по текстам греческих авторов, с обрядами первобытных обществ – по исследованию других авторов. «Объектом его исследования всегда являются тексты, даже в тех случаях, когда он обращается к этнологии или анализу мифов»⁵. Рене Жирар не выводит каких-то новых научных данных. Он переосмысливает материал в новой логике и интерпретирует его в новой перспективе. С.С. Хоружий в статье «Как читать Жирара» отмечает тот факт, что автор не принимает никакого научного метода, в итоге у него возникает свободный дискурс. «Отсюда можно резюмировать, каков общий характер дискурса Жирара. Его можно определить, как вольный ревизионистский нарратив в антропологии: не принимая для себя правил ни одной из антропологических дисциплин, он комбинирует их все, при этом и не вводя своих новых правил»⁶.

Также в этом параграфе говорится о критике в адрес Жирара, о том, что его идеи имеют как сторонников, так и противников.

Творчество Жирара принято разделять (по мнению С.С. Хоружего) на три части:

- теория миметического желания;
- теория взаимосвязи насилия и религии, в рамках которой автор раскрывает богословие жертвоприношения и феномен «козла отпущения»,
- концепция христианства как критики насилия и противопоставление его «архаичным религиям», а также апокалиптическая трактовка нашей современности.

В связи с выходом последнего труда Жирара в России («Завершить Клаузевица»), это деление может немного видоизмениться. В частности, тема апокалипсиса, возникающая на почве миметических конфликтов или «устремления к крайности», вполне достойна того, чтобы выделиться из третьего пункта в отдельный, четвертый.

⁵ Там же. – С. 48.

⁶ См.: Хоружий, С.С. *Achever Girard//Фонарь Диогена.* – 2017. – № 2. – С. 17-59.

В параграфе «Теория миметического желания» анализируется данная теория Жирара, которая является «краеугольным камнем» всех остальных его концепций. Дается определение термину «мимесис» (что в переводе с греческого значит «подражание»). Жирар был не первым, кто обратился к изучению подражания, но в отличие от многих, Жирар рассмотрел его в отрицательном аспекте. По мнению Аристотеля, например, подражание лежит в основе обучения, а социолог Габриэль Тард говорит о том, что в основе развития общества лежит подражание и благодаря ему общество сохраняет свою целостность. Т.е. подражание – это неплохо. «Плохо» становится тогда, когда мы подражаем неправильным образцам или этот «мимесис обучения» трансформируется в «мимесис присвоения».

Жирар формулирует это следующим образом. У человека нет собственного желания, ему кажется, что он чего-то лишен, но у другого это есть. Жирар показывает, что у миметического желания троичная схема. Существует субъект (тот, кто желает), объект (желаемое) и есть другой (тот, кто, тоже желает этот объект), т.е. посредник. Треугольная схема порождает ряд сложностей между тем, кто желает, посредником и объектом желания. Желания – исходящее от одного субъекта и исходящее от другого – сталкиваются на одном объекте и другой для субъекта становится преградой, препятствием. Возникает миметическое соперничество, где соперники начинают неосознанно подражать друг другу (хотя бы уже в том, что отвечают на реакции друг друга, вовлекая себя и другого в состязание все больше и больше).

Характерно, что миметическое соперничество особенно часто возникает между близкими индивидами. Так один из самых популярных сюжетов – история о ссоре братьев-врагов, миметическая зависть которых ведет к убийству. Достаточно вспомнить Каина и Авеля, Иакова и Исава, Ромула и Рема. Жирар в «Насилии и священном» отмечает, что во многих первобытных

обществах существует страх перед близнецами. Между ними не существует различий, «а там, где отказывает различие – возникает угроза насилия»⁷.

В параграфе **«Связь насилия и священного. Раскрытие феномена жертвоприношения. «Козел отпущения»** анализируется следующая концепция Жирара. В обществе, зараженном мимесисом, соперничеством, идет «война всех против всех». Зло, распри, конфликты, месть разрушают гармонию, общество становится не способным противостоять не только внутреннему насилию, но и внешним бедствиям, будь то засуха, эпидемия, нападения извне. Такое общество разобщено и незримо находится на грани вымирания. Это уже проблема не на индивидуальном или межличностном уровне, это проблема в масштабах всего социума. Хаотичное насилие нужно направить в некое русло; необходимо между ним и обществом что-то поместить, что будет защищать. Возникает идея поиска виновного, на котором фокусируется общий коллективный взгляд. Выбирается жертва, которая замещает не кого-то одного и не приносится тому или иному «кровожадному» индивиду – она одновременно замещает сразу всех и приносится сразу всем. Т.е. «война всех против всех» превращается в «войну всех против одного»: коллективное насилие канализируется на жертве, которую философ называет «козлом отпущения».

На «козла отпущения» возлагаются все обвинения, все страдания, и убивается он только ради того, чтобы примирить всех, восстановить гармонию и единство в обществе. Жертва умирает словно затем, чтобы община, рисковавшая умереть вместе с ней, возродилась для нового культурного порядка. С одной стороны, козел отпущения становится виновным за все грехи, с другой стороны им же и восстанавливается порядок. «Непреступный преступник» превращается в столп общественного порядка; он является одновременно виновником болезни и причиной исцеления.

Из-за того, что наступает коллективное единодушие, начинается новая жизнь, у общества меняется парадигма сознания и жертва начинает обществом

⁷ Жирар, Р. Насилие и священное. – М., 2010. – С. 79.

обожествляться. «Если полный цикл перемен они приписывают коллективной жертве, которая способствует их возвращению к нормальности, то они неизбежно придут к вере в трансцендентную силу»⁸. В тоже время, с жертвы не снимается мнимая вина за несчастья общества, и она одновременно с чертами злодея приобретает черты благодетеля. Совершающийся в коллективном сознании общины процесс сакрализации жертвы порождает пространство священного. Так, говорит Жирар, и появляются религия и культура. «Религия есть не что иное, как невероятное усилие по сохранению мира. Священное – это насилие, но если религия поклоняется насилию, то это всегда лишь постольку, поскольку она несет мир; вся религия ориентирована на мир, но средства для достижения этого мира никогда не лишены жертвенного насилия»⁹. В этом Жирар видит связь насилия и священного, связь проклятого и спасительного. Он определяет священное как то, что связано с изначальным насилием. Вокруг этого появляются табу, запреты, ритуалы, традиции.

Французский мыслитель обращает внимание на мифологию. Несмотря на то, что все религии и культуры различны между собой, практически все мифы повествуют о том, что произошло в начале. Практически у всех народов есть повествования, эпосы, сказки, где говорится о герое, который был убит, воскрес и принес общине процветание. Центральный аспект здесь – убийство героя. В структуре мифа можно проследить все стадии механизма жертвоприношения – кризис, перенос вины на жертву, изгнание или смерть, восстановление порядка и сакрализация героя.

Миф не является праздным вымыслом или фикцией, он хранит следы реальных событий. Жирар делает вывод, что миф скрывает от мира то, что в основе культурного порядка лежит насилие. Жирар называет мифы – текстами палачей. По мнению мыслителя, мифология содержит в себе воспоминание об учредительной драме, на которой основана община. Создатели мифа – участники преступного сговора, которые так изменяют его смысл, чтобы

⁸ Жирар, Р. Козел отпущения. – СПб., 2010. – С. 79.

⁹ Жирар, Р. Вещи, сокрытые от мира создания. – М., 2016. – С. 37.

представить коллективное убийство в категориях Божественного возмездия. Здесь присутствует абсолютная убежденность в виновности жертвы.

Жирар выдвигает радикальную гипотезу о том, что в основе любого культурного порядка, в основе социального института (судебная власть, право) лежит насилие (учредительное убийство), а жертвоприношение (которое сакрализуется, становится священным) появляется как инструмент, который его сдерживает. Но жертвоприношение по своей сути тоже насилие. Этот механизм несовершенен. Да, на какое-то время толпа усмиряется, наступает гармония, но это – лишь на время, т.к. снова начнутся конфликты и распри. И другой способ, который окончательно победит насилие, Жирар находит в иудео-христианской традиции, что раскрывается в параграфе **«Христианство в свете теорий Рене Жирара»**.

В параграфе приводятся анализы текстов Ветхого и Нового Завета. Так, например, крайне интересен анализ Главы 20:13–16 книги Исхода, – это знаменитый декалог, заповеди, данные Богом Моисею и израильскому народу. Итак, в шестой, седьмой, девятой заповедях говорится: «Не убивай. Не прелюбодействуй. Не кради. Не произноси ложного свидетельства на ближнего твоего». Как мы видим, это запрет на определенное действие. Десятая заповедь гласит: «Не желай дома ближнего твоего; не желай жены ближнего твоего, [ни поля его,] ни раба его, ни рабыни его, ни вола его, ни осла его, [ни всякого скота его,] ничего, что у ближнего твоего». Эта заповедь значительно отличается от предыдущих тем, что она запрещает не действие, а желание. Желание – это первичный импульс, то, что предшествует действию, побуждает к нему. В этой заповеди мы видим конкретное указание на миметическое желание, т.е. на подражание другому. «Дом ближнего» – это объект, побуждающий к соперничеству, которое будет только усиливаться и обернется скандалом, конфликтом и насилием.

Десятая заповедь – это заповедь, обобщающая предыдущие и, по сути, если ее поместить перед ними, то выстраивается вполне логическая цепочка миметического кризиса. Не желай то, что есть у ближнего: иначе это приведет к

убийству, к прелюбодеянию, к воровству, к клевете. Ее соблюдение гарантирует автоматическое соблюдение предшествующих четырех.

Центральную фигуру в анализе Нового Завета занимает, конечно же, Иисус Христос и учение о Царстве Божьем. Лучший способ предотвращения насилия Жирар видит в том, чтобы дать людям образец, который до насилия не доведет и защитит. Таким «образцом» для нас является Иисус Христос. «Он [Христос] рекомендует нам подражать ему не вследствие нарциссизма, но с целью отвлечь нас от миметических соперничеств»¹⁰. Он жил так, что если все последуют Его примеру, если бы все воплотят в своей жизни Его ценности, то все раздоры и гонения, насилие и хаос прекратятся. В христианстве на место конфликтов, зла, отмщения и насилия приходят милосердие, прощение, раскаяние и любовь.

Во второй главе «**Интерпретация евангельских сюжетов**» рассмотрены евангельские тексты через концепции мыслителя.

В параграфе «**Слово Божие и смысл непорочного зачатия**» выражается мысль Жирара о том, что Слово Бога – это призыв к Любви, к отказу от насилия, а Иисус передает нам Словом природу Отца. Слово приглашает нас действовать, становиться подобными Отцу, поступая так, как поступает Он сам: «Любите врагов ваших, молитесь за преследующих вас, и так будете сынами Отца вашего». Это Слово – Слово Любви и воплощает Собою Иисус.

Также здесь сравнивается божественное зачатие в мифологии и Евангелии. Те, кто вовлечен в непорочное зачатие – Ангел, Дева и Бог, – находятся в отношениях, не имеющих ничего общего с насилием. Также здесь нет сексуального элемента. «Отсутствие всякой сексуальности – это отсутствие насильственного мимесиса, который в мифах выражают желание божества и насилие с его стороны. Это отсутствие того идола, которым всегда становитея образец-препятствие». Во-первых, этот факт еще раз служит доказательством того, что Библия и миф – это абсолютно разные вещи, противоположные друг другу. В истории непорочного зачатия и личности Девы Марии мы видим

¹⁰ Жирар, Р. Я вижу сатану, падающего, как молния. – М., 2015. – С. 19.

«антимифологичное» поведение, т.е. противоположное миметическому – это проявленное смирение Марии, Ее покорность Божьей воле, и добровольная жертва. Также данный сюжет подчеркивает уникальность личности и дела Христа: уже в самом начале его истории мы не обнаружим никакого намека на насилие, на что-то «исключительно мирское». Фундамент спасительной истории человечества – чистота, вера, милосердие.

В параграфе **«Личность Иисуса Христа»** поднимается вопрос, было ли у Иисуса желание кому-либо подражать. Подражание Христа, по мнению Жирара, это – Бог-Отец. Его цель – стать совершенным образом Бога. Поэтому все свои силы Он посвящает тому, чтобы подражать Отцу. Христос не просто не соперничает, но и тот «Объект», которому Он подражает, ставит выше Себя, что уже не вписывается в стандартные рамки миметического соперничества. «Иду к Отцу; ибо Отец Мой более Меня» (Ин. 14:28), «Всякому мужу глава Христос, а Христу глава – Бог» (1Кор.11:3).

Здесь мы посчитали логичным добавить такое богословское понятие как кеносис, которое, на наш взгляд, характеризует божественную любовь и занимает место соперничества. Кеносис (с греч. истощание, умаление) – в обширном смысле означает снисхождение Бога к миру, Его благоволение по любви Своей проявить Себя во времени, в греховной жизни людей. Это добровольное уничтожение, умаление Сына Божьего, Который воплотился, воспринял мучения и смерть. Также в этом параграфе говорится о том, что Иисус призывает нас подражать Ему. «Ибо Я дал вам пример, чтобы и вы делали то же, что Я сделал вам» (Ин. 13:13–15), «Следуй за Мною» (Лк. 9:23). Именно такое подражание отвлечет и спасет человека от миметического соперничества. Если мы подражаем божественному бескорыстию, любви, милосердию, Его кеносису – ловушка миметического соперничества никогда не захлопнется за нашей спиной.

Снова подчеркивается мысль о том, что желание подражать – это не всегда плохо. Если бы не было желания подражать, мы бы не были открыты

божественному. Здесь, на наш взгляд, можно смело утверждать, что в работе Жирара проскальзывает мысль об обожении человека.

В параграфе **«Сатана как персонифицированный скандал»** объясняется с точки зрения религиозной антропологии, кто такой сатана. Жирар определяет сатану как неожиданное препятствие между человеком и объектом его желания. «Первоначальный обольститель скоро превращается в сурового противника, в препятствие более серьезное, чем все покамест ненарушенные запреты». Это, как мы видим, уже не просто соблазн. С образом Сатаны происходят некоторые метаморфозы. Испытание человека в итоге становится его же соперником, противником. Жирар выражает это более точно – «Сатана – это превращение миметического образца и в препятствие, и в соперника, это происхождение скандалов».

Сатана – это миметизм, который порождает бурю кризисов, а затем приводит к поиску виноватого, ответственного за все беды общества. Так работает механизм «козла отпущения». В механизме жертвоприношения мы видим «принцип насилия (миметический кризис), изгоняющего само себя насилием (жертвоприношением), чтобы учредить все человеческие общества»¹¹. Именно таким образом сатана изгоняет сатану. Он «всегда может восстановить порядок в мире в достаточной степени, чтобы предотвратить полное уничтожение своей собственности, не лишая себя надолго своего любимого времяпровождения, состоящего в том, чтобы сеять беспорядок, насилие и бедствия»¹². В этом и заключается экстраординарная сила, делающая его «князем мира сего». Как только хаос, порожденный Сатаной, достигает предела, сам Сатана становится средством, его умиряющим с помощью невинной жертвы. И фокус этот удачен только благодаря неведению гонителей – именно их слепота заставляет их повторять это снова и снова. Беспорядок изгоняет беспорядок или Сатана изгоняет Сатану. Из беспорядка возникает мнимый порядок, мнимая гармония и благодаря этому власть сатаны велика.

¹¹ Жирар, Р. Козел отпущения. – СПб., 2010. – С. 295.

¹² Жирар, Р. Я вижу сатану, падающего, как молния. – М., 2015. – С. 44.

Паисий Святгорец заметил одну немаловажную деталь: «Диавол никогда не может сделать ничего доброго. Он может «исцелить» только те болезни, которые вызывает сам»¹³.

В параграфе **«Объяснение Заповедей блаженств с позиций антропологии Р. Жирара»** отмечается уникальный характер Нагорной проповеди. Как мы видим, исходя из анализа, Заповеди Блаженства представляют собой некую иллюстрацию пути человека, который выходит из круга миметического насилия и, соответственно, встает на сторону Божественной Истины. «Вы были некогда тьма, а теперь – свет в Господе: поступайте, как чада света» (Еф. 5:8).

Здесь мы обнаруживаем следующие этапы: осознание своей причастности ко злу, своей греховности, раскаяние, смирение, жажды истины, четкого руководства в том, как следует поступать правильно. А далее – когда истина открывается, человек подражает Богу в его милости и любви, проповедует добро, но... должен быть готов к тому, что его ждут гонения и страдания. Он вышел из круга насилия сам, но он еще столкнется с его разрушительной сущностью.

В следующем параграфе, **«Крест как сила разоблачения»** говорится о том, чем же стало для человечества Распятие и анализируется, был ли Христос «козлом отпущения», жертвой.

Если в архаичных религиях жертва выбирается толпой и всегда признается виновной, то здесь мы видим то, что смерть Христа – его добровольное действие. Он пошел на это осознанно. Выражение «козел отпущения» заменяется на более точное «агнец Божий». Термин выражает идею замещения одной жертвой всех остальных, но заменяя отталкивающие коннотации козла на позитивные коннотации агнца более удачно выражает невинность жертвы и беспричинную ненависть к ней.

Крест – это «сведение на нет» механизма жертвоприношения и разоблачение насилия и невежества гонителей. Крест – это наивысшая правда.

¹³ Паисий Святгорец. Слова. Том 2. Духовная борьба. – М., 2017. – С. 150.

Апостол Павел, например, видит в кресте источник всякого знания о мире и человеке, и о Боге: «Он твердо верит, что нет познания выше, чем познание Христа распятого»¹⁴.

Х.У. фон Бальтазар называет крест Возвышением. Именно на кресте особым образом через смирение Сына явлена слава Божия, крест и Откровение едины. «Именно поэтому крестная смерть предстает перед нами как финальный акт, которым свобода Божия предает себя в руки человеческой свободы. Сила Божия делается Его слабостью, а в Ессе Номо явлен Ессе Deus. Так открывается новый образ славы Божией»¹⁵.

В заключении данной главы высказывается мысль о том, что главная человеческая задача – выйти из круга миметического насилия и сделать это можно только с помощью Сына. Подражание Ему – это возможность обожения человека. Здесь разъясняется термин обожение, говорится о том, что пишут о достижении этой высокой ступени Святые Отцы (в частности, приводится учение об обожении Григория Паламы) и сопоставляется это с мыслями Жирара.

Итак, единственный путь спасения – это Христос; следование Его заповедям и подражание Ему. Он – «путь и истина и жизнь; никто не приходит к Отцу, как только через Меня» (Ин.14:6), а Его Благая Весть – это весть о благой жизни, которая пришла на смену архаичным кровавым порядкам, которая закончила эпоху насилия и зла, которая победила смерть и сатану.

В заключении исследования подводятся итоги работы, намечаются перспективы дальнейшего развития основных идей, исследуемых в работе. Список использованных источников содержит 65 источников по теме исследования.

¹⁴ Жирар, Р. Я вижу сатану, падающего, как молния. – М., 2015. – С. 150.

¹⁵ Будзик, С. Драма искупления: драматические категории в богословии Р. Жирара, Х.У. фон Бальтазара, Р. Швагера. – М., 2017. – С. 264.

